

ЛГУ, ИРЛИ, ЛГИТМиК и СФРЮ

По страницам дневника за 1958–1970 гг.

(К столетию В. Е. Гусева)

Мои воспоминания о Викторе Евгеньевиче Гусеве не претендуют на полноту — они охватывают всего двенадцать лет: от наших первых деловых встреч 1958 г. до первой совместной поездки в Югославию 1970 г. То были двенадцать лет многообещающих начал и многотрудных продолжений. Принципиально не отступая от дневниковых записей, я упоминаю только факты, зафиксированные по живым следам. Необходимые пояснения к ним минимальны.

1958 г. отмечен тремя событиями, так или иначе меня профессионально коснувшимися, значительность которых, однако, далеко превосходит скромные факты моей биографии.

28 мая 1958 г. было обнародовано Постановление ЦК КПСС «Об исправлении ошибок в оценке опер „Великая дружба“, „Богдан Хмельницкий“ и „От всего сердца“». Тем, кто не пережил те годы лично, трудно читать между строк сохранившуюся в печати официальную реакцию на это постановление, но еще труднее прочувствовать неофициальное настроение советской интеллигенции тех дней. Например, в газете «Правда» от 13 июня появился, за подписью Д. Д. Шостаковича, следующий текст: «Я глубоко взволнован проявлением заботы и внимания Коммунистической партии к советской музыке и советским композиторам. <...> Необычайно высокий идейный и морально-этический уровень этого постановления восхищает нас, советских музыкантов, и всех многочисленных почитателей советской музыки». Странно, что подобные откровенно фальшивые тексты не воспринимались «вверху» как прямое издевательство над постановлением, а напротив, приветствовались — как всегда в подобных случаях, без малейшего чувства юмора. Тем не менее многими ощущалось пусть робкое, но все же начало «оттепели». Весна была в разгаре. В моем дневнике за 10 июня сохранилась лишь одна фраза: «Постановление ЦК по вопросам музыкального творчества». И немудрено — у меня, пятикурсника, в ЛГУ шли государственные экзамены. Как будто специально, в те дни я сдавал экзамен по истории КПСС. Цитирую дневник: «Самое интересное — то, что председателем гос. комиссии был В. Я. Пропп! Я так удивился, что хотел уйти обратно, думая, что не туда попал. Но отвечал я, к счастью, не Владимиру Яковлевичу, а экзаменаторам, сидящим за другим столом...

Когда я рассказал потом Владимиру Яковлевичу о своем страхе, он пошутил: „Да, Пропп и марксизм — две вещи несовместные“, и добавил: „Кажется, я хорошо справился с работой, требующей огромного умственного напряжения — зачитывания результатов гос. экзаменов“».

1–10 сентября 1958 в Москве проходил IV Международный съезд славистов. Это было по-настоящему крупное научное событие. Я, конечно, не был его участником, но многое знал о нем, включая сенсационное по тем временам появление на съезде Романа Якобсона¹. Свои занятия русским фольклором я уже начинал видеть в славянской перспективе. Но в те сентябрьские дни я еще безмерно наслаждался эрмитажной выставкой, центром которой был феноменальный по красоте и совершенству выполнения бюст древнеегипетской царицы Нефертити (середина XIV в. до н. э.), привезенный из Берлина.

Наконец, 24–26 ноября 1958 г. в Пушкинском Доме ИРЛИ проходило обсуждение проблем современной фольклористики². «Сидел целыми днями на Всесоюзном совещании фольклористов. Не удовлетворен» (о причинах последнего чуть ниже).

1958 г. оказался для меня, без преувеличения, рубежным. В тот год я окончил филологический факультет ЛГУ как фольклорист по семинару В. Я. Проппа и смог отстоять перед суровой распределительной комиссией свое право завершить идущее много лет параллельно высшее музыкальное образование. Благодаря этому я получил так называемый свободный диплом и дважды окончил ленинградскую консерваторию — в 1960 как музыковед-фольклорист (слово «этномузыкология» тогда у нас не употреблялось) по классу Ф. А. Рубцова и в 1961 как композитор по классу В. Н. Салманова. Трудовой мой стаж начался в том же рубежном 1958 г. (в качестве концертмейстера детской музыкальной школы). Сотрудником ЛГИТМиК я стал осенью 1960 г. — на 35 долгих незабываемых лет...

Вернемся, однако, к 1958 г.

Мой апрель в ту весну выдался на редкость интенсивным. 15 апреля. «Думаю о фольклоре как лаборатории искусства. Убеждаюсь в том, как много жизненного опыта дала мне фольклорная экспедиция 1956 г. Ни дневник, ни квартет, сочиненный по следам экспедиции, ни диплом, ни статья не исчерпали его. Память, слух, зрение удержали много и прочно». 21–22 апреля я пережил трудно вообразимую сегодня процедуру распределения на работу в школы Средней Азии, во время которой персональная пушкинодомская заявка на меня, своевременно посланная в ЛГУ из ИРЛИ, была демонстративно проигнорирована председателем комиссии, Н. И. Тотубалиным. (Цитирую его реплики: «Государство ждет вас в Туркменистане! Миллион консерваторий стоит одна общественная работа по комсомольской линии!») «В. Я. Пропп возмущен: ведь он меня единственно-

¹ Я увидел его позже, в августе 1964, на VII Международном конгрессе этнологических и антропологических наук в Москве.

² Проблемы современной фольклористики. (Авторефераты докладов). Всесоюзное совещание фольклористов. Л.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, 1958.

го рекомендовал в ИРЛИ». 25 апреля — незабываемый концерт юного Ван Клайберна в Большом зале Филармонии. «Ф. А. Рубцов рассказывает, что Б. М. Добровольский уже успел побывать в ЛГУ, у нашего секретаря ВЛКСМ, возмущаясь тем, что мне вдруг не дали рекомендацию в Пушкинский Дом».

Однако начался тот апрель с неожиданного для меня заочного знакомства с Виктором Евгеньевичем Гусевым — знакомства, оставшегося в сослагательном наклонении. Дело в том, что Владимир Яковлевич Пропп был убежден, что моя дипломная работа («Образная и композиционная связь текста с напевом русской протяжной лирической песни») и по объему, и по содержанию оказалась на уровне кандидатской диссертации, и потому решил превратить ее защиту в защиту диссертационную. Для этого, однако, необходимо было найти второго оппонента, способного оценить работу в ее реальной комплексности и быстро представить официальный отзыв. Такого специалиста в ЛГУ не оказалось. В. Я. Пропп верил, что им мог бы стать именно В. Е. Гусев, и пытался найти его, но Виктор Евгеньевич был в командировке. Защита диссертации по этой теме состоялась лишь шесть лет спустя, уже в ЛГИТМиК. А пока (цитирую запись от 26 апреля): «сегодня защитил свою фольклорную дипломную работу. Оппонент — доцент ЛГК А. Л. Островский. Выступал также проф. В. Я. Пропп. Был и Ф. А. Рубцов, поцеловавший меня в губы за защиту... Я получил „отлично“, а также рекомендацию в аспирантуру и к опубликованию дипломной работы в печати. Владимир Яковлевич прямо сказал при всех, что это — „кандидатская диссертация, настоящее фольклорное исследование“. День сегодня чудесный, теплый, солнечный». И спустя несколько дней: «В ЛГУ девочки рассказали мне, что им так прямо и заявили: „Ваши работы надо бы отметить, но после работы Земцовского это невозможно. Он задал такой тон, что мы отмечаем теперь только работы диссертационного порядка...“. О моей защите, оказывается, кто только не знает».

26 июня. «Сегодня был в Пушкинском Доме. Договорился о том, что они печатают мою статью „К вопросу о методе изучения народной лирической песни“ (1–1,5 листа) в 5-м томе „Русского фольклора“ (срок подачи — сентябрь 1958, срок выхода из печати — начало 1960 года!). 27 июня. «В ЛГУ получил свое фото (весеннее, для альбома). Серьезен, с мыслью о будущем, но уж очень надменная рожа у меня получилась, таким я никогда не бываю в жизни (почти никогда), а тут... Открою секрет: в этот день я завершил дипломную работу, чем был очень горд и счастлив. Февраль и март 1958 года — два дивных месяца настоящей, спокойной, обильной научной работы. ...Был у В. Я. Проппа, попрощался перед отъездом в военный лагерь на весь июль».

Моя первая документированная деловая встреча с Виктором Евгеньевичем Гусевым, уже в изъяснительном наклонении, состоялась на территории Пушкинского Дома (ИРЛИ АН СССР) 30 сентября 1958 г. Цитирую: «Сегодня был в ИРЛИ. Передал В. Е. Гусеву статью. Он заказал мне теоретическую статью о связи текста с напевом (на конец октября) для теоретического сборника по фольклору. Я согласился, но это будет не просто. Тем более, что времени у меня

совсем нет: композиция, рояль, оркестровка, полифония и работа в школе отнимут все без остатка. Когда писать?!»

5 октября. «Начал записывать статью для теоретического сборника ИРЛИ. Вчера был там. Читал Тампере». 8 октября. «Вчера кончил черновик статьи. Завтра покажу Феодосию Антоновичу». 12 октября. «Отнес переписчику статью „О взаимосвязи текста с напевом русской протяжной лирической песни“. В. Я. Пропп написал хороший отзыв». 18 октября. «Отнес В. Е. Гусеву в Пушкинский Дом свою статью. В лучшем случае выйдет из печати в 1960 году». 11 ноября. «Вчера вызвали в ИРЛИ в связи с редакторской работой над статьей. Отстаивал каждое слово. Прочел авторефераты докладов предстоящей конференции по фольклору, и в их числе особо заинтересовавшие меня „Проблемы теории фольклора“ В. Е. Гусева. Сегодня опять был в ИРЛИ — привез нотные примеры».

24–26 ноября — три полных дня в ИРЛИ на том самом Всесоюзном совещании. «Подробнее (и, надеюсь, по существу) пишу о нем в своем фольклорном дневнике». (К счастью, и этот параллельный дневник сохранился.) В нем кратко законспектированы почти все доклады (начиная с В. Е. Гусева и Б. Н. Путилова) и особо понравившиеся мне реплики в дискуссии (начиная со В. Н. Всеволодского-Гернгросса, П. Г. Богатырева и Н. И. Гаген-Торн).

Не скрою, я хотел даже принять участие в дискуссии, но прозвучавшая в конце концов убедительная критика *словоцентризма* фольклористики умерила мое разочарование в чисто филологических предпосылках некоторых выступлений. К тому же Гусев сам назвал таких близких мне этномузыковедов, как Екабс Янович Витолинь и Ф. А. Рубцов. Одно было бесспорно: ноябрьская конференция ввела меня в мир большой фольклористики. Студенческая пора оставалась позади. С удовольствием записал я заключительные слова В. М. Жирмунского: «„Надо учиться!“ — повторю совет В. Я. Проппа. Нас читают, нужно быть ответственным за печатное слово».

Мои 1960-е гг. отмечены разнообразной по жанрам профессиональной деятельностью. Отмечу лишь связанное с именем В. Е. Гусева и отраженное в дневниках.

27 июня 1960. «Встретил Б. Н. Путилова. Он получил письмо от В. Е. Гусева, который очень жалеет, что я не поехал с ними в экспедицию». 8 октября 1963. «В ИРЛИ рассказ В. Е. Гусева о V Международном Съезде славистов. Необходимая информация». 21 октября 1963. «Делал доклад в ССК (на Герцена, 45). О генезисе лирики. С дискуссией. Длился около трех часов! Были — В. Я. Пропп, В. Е. Гусев, Б. М. Добровольский, Феодосий Антонович с женой, Н. Л. Котикова с Р. Зарицкой, молодежь из Союза композиторов и консерватории. Котикова сказала: „Вы делаете то, что мы не делаем, и это хорошо“. Владимир Яковлевич сказал мне после доклада по телефону: „Я не выступил: кругом были такие знатоки песни. Я задним умом крепок. Но вот что я должен был сказать. Во-первых, у вас есть концепция. Во-вторых, эта концепция новая, оригинальная. В-третьих, она убедительная. И филология ее подтверждает. Вы начинены идеями, как Феодосий Антонович.

Конечно, хорошо бы прочесть цикл таких докладов, как предложила И. М. Ельчева, но и за этот доклад вам большое спасибо. Он очень интересен“».

27 сентября 1965. «ИРЛИ. Слушал Б. Н. Путилова об Югославии. В. Е. Гусев в дискуссии. По-хорошему завидно: не могу без славянского материала, но — надо будет много учиться, и быстро притом!»

5 ноября 1966. «Впервые в гостях у В. Е. Гусева. Одобрил мою статью» (кажется, о жанрах). «Планы у меня грандиозные, но одному все сделать, мягко говоря, трудно».

30 марта 1967. «Хожу с В. Е. Гусевым на лекции болгарского профессора Стояна Джуджева. С интересом. 15-го был с Галей (моей первой женой) у Гусевых». Он подарил нам свою «Эстетику фольклора» с автографом «на счастье». Этой фундаментальной и по-своему уникальной книгой Виктор Евгеньевич явно дорожил, впоследствии был озабочен переводом ее на другие языки. Во время той встречи он обратил наше внимание на имеющиеся в ней лестные для меня ссылки и на свое развитие некоторых моих гипотез. В частности, Виктор Евгеньевич полагал возможным определять частушку — по аналогии с тем, как я определял протяжную песню — не как особый жанр, а как особую форму определенного жанра. Судя по охвату разнодисциплинарной литературы, мы оба читали не только по своей узкой специальности и потому, особенно в те годы, нам было легче находить общий язык. На обсуждаемый Гусевым метод «социалистического реализма» в фольклоре и тому подобное отражение господствующей в СССР идеологии я тогда внимания не обращал. Главными для меня оставались проблемы сугубо творческие. В том же урожайном 1967 г. я смог ответить Гусеву тремя своими книгами — «Русская протяжная песня», «Искатели песен» и «Торопецкие песни».

8 августа. «Дочитываю Гусева. Событий — тьма. Я очень меняюсь. Только в одном тверд — работать надо еще больше, еще глубже».

30 сентября. «Был вчера в гостях у В. Е. Гусева — с В. Я. Проппом и К. В. Чистовым. Меня приглашают на работу в ИРЛИ на заведование архивом (фоноархивом). Я отказался. Там нет перспективы никакой — при сегодняшнем руководстве».

9 ноября. «Мечтаю о развертывании фольклорных работ в ЛГИТМиК. А где же теперь еще?! В добрый час!» 30 ноября. «Подав в ректорат Института докладную записку о перспективах фольклорной работы — с предложением создать кабинет и т. д. Иначе не устоять...» 20 декабря. «...много мечтаю. Толчок мечтаньям дала реакция ректората Института на мою докладную записку о фольклоре. Решили послать в Министерство ходатайство о введении в штат лаборанта по фольклору, имея в перспективе создание специальной лаборатории или сектора фольклора! А я уже для себя составил список сотрудников, тем и запросов сектора, которого еще нет... Во всяком случае, Институт берет на себя мой сборник (рабочее название „Вопросы фольклора“). Тем самым „покупается“ издательство, а институту как центру (будущему) фольклора — важный козырь! За всё это придется еще очень много бороться и драться беспощадно...» 26 декабря.

«В институте стало грустно оттого, что сектору музыки безразличны фольклорные работы. Отдушина — беседы с Витей Лапиным... Небывало устал, но не могу же я сдаться!»

8 апреля 1968. «На Ученом совете НИО ЛГИТМиК обсудили и утвердили к печати сборник „Вопросы фольклора. Выпуск 1“ (sic!). Рецензенты — В. Е. Гусев и П. А. Вульфиус. Один лучше другого. Первая победа. Начало ожесточеннейших битв. Пусть! Чернее ночь — ярче звезды. Голова кипит от научных идей. Только сейчас, мне кажется, подхожу я к зачаткам зрелости...»

10 сентября. «Подготовка сборника „ФФ“ — „Фольклор и фольклористика“ (назван так вместо первоначального „ВФ“ — „Вопросы фольклора“). Проводы Лапиных в Киргизию, организация в НИО городского семинара фольклористов. В объявлении о нем сказано: „26 сентября в 19 часов открывается в ЛГИТМиК «Семинар молодых фольклористов». Руководитель — кандидат искусствоведения И. И. Земцовский. Программа семинара охватывает комплексное изучение фольклора... Принимают участие крупнейшие фольклористы города — В. Я. Пропп, В. Е. Гусев, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, В. И. Еремина...“ На открытие собралось около сорока человек. На втором занятии, 31 октября, удачно выступил В. Е. Гусев. Все бы хорошо, если б не чудовищные козни некоторых коллег (к счастью, не институтских)».

«В воскресенье 23 февраля 1969 года состоялся первый в НИО ЛГИТМиК этнографический концерт „Вологодская свадьба“, мной затеянная (см. „Вечерний Ленинград“ от 24 февраля). Было битком разного народа. Празднично, шумно, многообещающе. Можно критиковать это, но все равно начало положено».

21 апреля, «симпозиум по комплексному изучению фольклора в помещении НИО. В. Е. Гусев объявил его продолжение на очередном городском семинаре фольклористов, руководимом Изалием Иосифовичем». Будет выступать В. Л. Гошовский.

3 июня. «Невероятная крутоверть. По настоянию издательства моя серия ФФ должна будет открыться не славянским сборником, а собранием материалов к столетию Ленина. Пришлось все бросить и срочно его готовить, выискивая авторов отовсюду. А вчера вдруг сюрприз: вернувшийся из Москвы Л. Н. Раабен передал, что в издательстве хотят для страховки еще одного редактора — это на готовый-то сборник! Чтоб не было недоразумений, написал срочно В. Е. Гусеву — с 6 июня он наш проректор (!), так пусть и войдет в редколлегия. Хотя бы логично...»

11 июня. «Узнал очередную закулисную новость: Раабен в Москве охаял меня как редактора и потребовал усилить редколлегия моего ленинского сборника, который я делал и сделал один, несмотря на все препятствия и отсутствие всякой поддержки сектора музыки. Мне же Раабен сказал 2 июня, что это якобы забота самого издательства, а он де меня только хвалил. Что ж, я усилию, но только не тобой. Я уже переговорил с В. Е. Гусевым. Он считает это излишним, но для спасения сборника согласится. <...> И кто знает, может быть это „усиление редколлегия“ еще спасет меня в будущем».

21 июня. «Кое-что удалось. В. Е. Гусев уже отредактировал сборник (точнее, просмотрел), теперь я редактирую вплотную. Написал инструкцию для своей экспедиции».

6 июля. «Не знаю, понимает ли кто-нибудь, включая участников события, что произошло сегодня вечером на Московском вокзале, у поезда № 97 «Ленинград-Углич», где я провожал 10 ребят из своего Семинара в Первую комплексную искусствоведческую экспедицию. Провожал, несмотря ни на что: не было маг'ов, пленки, денег, ж/д билетов — и сегодня было все — и маг'и, и много пленки, и много денег, и всем разом билеты! И было главное — радость, улыбки, энтузиазм, молодость, крепкие рукопожатия. И еще, еще главное было — рождение на практике нового организма, мечты моей реализация — комплексного семинара молодежи, будущих кадров науки. (Вспомнил свою попытку создать такой семинар ровно 10 лет назад, между ЛГК и ЛГУ, но тогда я был ребенком...)».

2 сентября. «НИО. Беседа с Н. В. Зайцевым и В. Е. Гусевым о кабинете фольклора. Известие о приезде 4-го сентября Габора Люкё из Венгрии».

5 сентября. «Вчера пришел домой после полночи: открыл Второй год своего Семинара. Сделал отчет для членов экспедиции в присутствии В. Е. Гусева и Габора Люкё. Гусев отметил шедевры наших записей и силу их эстетической красоты. Потом, проводив гостей, я развернул план работы охнувшим ребятам. Охнули, но после рассказанной мною притчи о семинаре академика-химика, несколько первых занятий которого вели дворник и уборщица, ребята приободрились. Попутно — тьма консультаций, людей, бесед. Устал, поволновался. Как-то подготовим показ 25-го сентября?!»

14 сентября. «Перетаскиваю в Институт хранящиеся дома фольклорные материалы». 5 октября. «Вечером был у Б. Н. Путилова — 50-летие. Собрались дорогие коллеги. Хорошо!» 8 октября. «Наш отчет прошел удачно. Ребята не подвели. В Институте ожидаются большие изменения. Не убежден, что всё — к лучшему. Мои труды последних лет не пропали даром... Семинар, сборники, аспиранты, экспедиция, этнографические концерты и проч. — всё это дало основание просить сектор. Но для моих юных воспитанников еще рано...»

15 ноября. «О, что это были за дни! Началось 10-го, с утра и до ночи, когда в комендантской НИО я с Лешей Шатуро прикидывал на бумаге, что приобрести для будущего кабинета фольклора и его лаборатории. Практически — для нового, нашего фонограммархива! А днем в кабинете Н.В. Зайцева решалась моя судьба: Гусев выторговал меня у Раабена, забирая из сектора музыки на должность заведующего Кабинетом фольклора. Мало того: после НИО был в СК (Ленинградское отделение Союза композиторов РСФСР на Герцена, 45), где на заседании Комиссии комплексного изучения народного искусства я объявил о плане ЛГИТМиК заняться Ленинградской областью.

Да, это был исторический (в своем роде) понедельник.

Во вторник я был у П. А. Вульфуса с М. Бонфельдом, а в среду — у Гусева дома, где ясно дал понять, что мое спокойствие зависит от изоляции от СК.

В четверг — в НИО с ребятами. В пятницу — после дикого дня в Институте (борьба за помещение под Кабинет, отчет об аспирантах и т. п.) — был у В. Я. Проппа. Он сильно сдал, дорогой человек, и как хорошо ожил под звуки песен, и как поддерживал мою межжанровую идею, и как полон мыслей о Георгии и змееборстве!»

27 ноября. «Позавчера сделал неплохой (судя по отзывам) отчет в ЛОССК по Угличу, сегодня — доклад по Африке, завтра — по Югославии (открытие сектора в Институте). И это все при адской зубной боли всю неделю!»

18 февраля 1970 г. «Беседовал с В. Г. Базановым в связи с его отзывом на мою календарную антологию. Говорил, какая честь и — приглашал к себе на работу в ИРЛИ. (Снова ИРЛИ!)». 19 февраля. «Я консультирую всех направо и налево. Если так будет продолжаться и впредь, то я помру идиотом».

4 марта. «Беседовал с Гусевым. Смотрел помещения для кабинета фольклора. Много, много всего... Редактирую статьи для ФФ, вып. 3. Безобразно пишут некоторые наши фольклористы, нечетко, неграмотно. По сути, переписываю статьи заново». «Во вторник 14 апреля, с утра переезжал в новое помещение Кабинета фольклора. Днем сдал в издательство „Советский писатель“ свою многострадальную антологию календарных песен. В ЛГИТМиК торжественно получил юбилейную медаль „За доблестный труд“ (Уверен, по инициативе Н. В. Зайцева). Затем, наконец, на замечательном докладе В. Я. Проппа о змееборстве в ИЭ. Была там и моя молодежь, что очень важно».

18 апреля. «Дни нервные были: „беседы“ в издательстве, новая возня с Кабинетом (библиотека оспаривает вдруг помещение!), да мало ли чего... Лариса Ивлева³ вдруг спросила меня, как понравилось мне на докладе В. Я. Проппа 14 апреля. Я ответил: „Очень!“. „Всё?“ — переспросила бескомпромиссная Лариса, и я понял, что она имеет в виду: выступление нашего нового проректора. Оказалось, что до него в ЛГИТМиК был „скрытый период фольклористики“, что он дал возможность работать ученикам Проппа (Ивлевой, Некрыловой и — после напоминания Чистова — мне), и прочая, и прочая... Самое удивительное, что я едва обратил тогда на это внимание и потому не сделал даже записи об его реплике. У каждого свое видение истории. Святой Ларисе не понять, что я всегда готов к худшему. Единственно, чего я не потерплю, если в мой сборник „Славянский музыкальный фольклор“ назначат *теперь* редколлегия⁴. Но сегодня я еще весь в докладе Владимира Яковлевича, а всё остальное — слова, слова, слова...»

21 апреля. «Сегодня с утра — снова институт, встреча с ректором по поводу помещения Кабинета фольклора, докладная записка, консультации...»

24 апреля. «На Семинаре выступала Н. П. Колпакова с ярким рассказом об экспедициях 1926–29 годов. Знаменательный вечер! А потом обсуждались наши этнографические концерты. (За один год я провел их четыре.) Чтобы не было

³ Лариса Михайловна Ивлева (1944–1996), в те годы — стажер в секторе фольклора ЛГИТМиК.

⁴ Худшего не произошло. См.: Славянский музыкальный фольклор: Статьи и материалы / сост. и ред. И. И. Земцовского. М., 1972. 444 с.

иллюзий, я заострил внимание на материальной стороне дела, и Гусев четко проинформировал, что денег нет и не будет. Что ж, мне становится легче... легче делать меньше. Но энтузиазм и благодарность присутствующих на концертах я никогда не забуду. А потрясенный поэт Лев С. Друскин сочинил даже стихотворение о первом концерте в Зеленом Зале. Вот это было Спасибо».

29 апреля. Среда. Ночь. ДТК Репино. «После обеда ездил в город — поздравить В.Я. Проппа с днем рождения (75). Мой дорогой учитель! Какое счастье — общение с ним!.. Среди прочего он с восторгом говорил о стиле Чехова, резко — о стиле Куприна, Вересаева. Интересовался нашими новостями. В ответ на мое признание о дневнике заметил: „Как у нас много с вами общего...“. Я подарил ему уникальную икону „Нечаянная радость“. Когда мы были несколько минут вдвоем, он усадил меня в кресло и — отругал (насколько это вообще возможно в его устах). Он спросил строго: „Вы знаете, для чего вы созданы?“ И сам ответил: „Вы созданы для серьезной исследовательской работы“, и добавил, в ответ на мои сетования: „А вы не давайте себя засасывать в ненужное...“ — и с всепонимающей улыбкой погрозил мне пальцем...»

6 мая. «Еще одна победа: удалось договориться о приеме В. Лапина в НИО с 1 сентября».

15 мая. «Вчера вечером в НИО состоялся знаменательный семинар у меня — выступали сами ребята. Докладчики — Л. Ивашнева и Г. Левинтон. Хотя аудитория была не подготовлена к обстоятельной дискуссии, беседа оказалась интересной. Важный толчок».

22 августа 1970 г. скончался Владимир Яковлевич Пропп — в день смерти моего отца. Дневниковые записи о том страшном времени выходят за рамки этого текста. Приведу лишь один фрагмент от 3 октября, после встречи с Е. Я. Пропп⁵. «Думая о В. Я. Проппе, ощущаю дикое свое сиротство, ущербность невероятную, и делается стыдно за себя, и за свой наполовину дурацкий дневник, и за потерянные годы...»

И в заключение, прерывая записки о делах секторальных, семинарских и прочих, — несколько слов о нашей с В.Е. Гусевым совместной командировке на XVII Конгресс Союза фольклористов Югославии (буквально, *Союза объединений фольклористов Югославии*) в первой половине сентября 1970 г. В отличие от Гусева, для меня то была первая (и, к счастью, не последняя) поездка. Я воспринимал ее как долгожданное начало своих славистических занятий. Темой доклада я избрал применение сравнительно-типологического метода в этномузыкознании.

Каждый конгресс проходил в новом, этнографически знаменательном месте одной из шести республик СФРЮ, тем самым расширяя исторический и художественный кругозор его участников. Он объединял доклады краеведов, этнографов, фольклористов, этномузыковедов и этнохореографов. В тот год конгресс

⁵ Елизавета Яковлевна Антипова-Пропп (1905–1979), жена В. Я. Проппа, преподаватель английского языка в Ленинградском государственном университете.

проходил в старинном хорватском городке Пореч (Рогё), что на западном побережье полуострова Истрия. Город славится, в частности, Евфразиевой базиликой VI в., в которой сохранились поразительные византийские мозаики.

Советская делегация включала четырех фольклористов — Елену Багратовну Вирсаладзе, В. Е. Гусева, Б. Н. Путилова и меня. Все четверо представлены на публикуемой фотографии. Спустя два года наши доклады были опубликованы в очередных Трудах конгресса⁶.

Обстановка на конгрессе была исключительно доброжелательной и потому особенно плодотворной. Разумеется, у всех участников были свои проблемы, но праздничный настрой искренней коллегиальности и безоговорочного взаимопочтения легко снимал весь предыдущий стресс — по крайней мере на рабочую декаду конгресса.

Подельсю двумя воспоминаниями более личного характера, связанными с тем, что все дни конгресса мы с Виктором Евгеньевичем провели в одном гостиничном номере на двоих. Виктор Евгеньевич оказался жаворонком, я — совой. Соответственно, он аккуратно ложился спать не позже 10 вечера и вставал чуть свет, не позже 6 утра, успевая до завтрака посетить множество туристически интересных мест, мною так, увы, и не увиденных. Я же едва поспевал к завтраку, так как до глубокой ночи проводил драгоценное для меня время в обществе музицирующих этномузыковедов. Виктор Евгеньевич никогда не корил меня за это, но однажды не удержался — впрочем, уже по другому поводу. Дело в том, что и питались мы с ним за одним столом, хотя расплачивались, разумеется, индивидуально. Гусев регулярно заказывал себе стакан местного красного вина, а я, стараясь сэкономить деньги на книги, предпочитал стакан чая. Где-то на третий день Виктор Евгеньевич обратился ко мне с неожиданным для меня вопросом: «А почему вы, Изалий Иосифович, не хотите попробовать местное вино? Поверьте, оно того стоит». Я не стал лукавить в ответ, объяснив свой выбор сугубо экономическими причинами, на что Гусев удивленно спросил в ответ: «А разве вы не видите, что я регулярно расплачиваюсь той же сумой, что и вы?» «Но, Виктор Евгеньевич, я никогда не смотрю на кошелек другого», — признался я откровенно. «Тогда я должен вам заметить, что стакан вина и стакан чая стоят здесь одинаково», — торжественно объявил мне Гусев. Так, благодаря Виктору Евгеньевичу, я не задумываясь перешел с прозаически скучного чая на поэтически насыщенное вино южнославянской Адриатики. Теперь и для меня славистический конгресс окрасился в эстетически новые и более яркие тона. Общение с коллегами стало еще интенсивнее, что с очевидностью и зафиксировано на публикуемой в этом томе второй фотографии⁷.

⁶ Rad XVII. Kongresa Saveza Udruženja Folklorista Jugoslavije (Poreč, 1970). Zagreb, 1972.

⁷ См. фото на вклейке. Рядом с В. Е. Гусевым — Лепосава Спировска из македонского института фольклора, рядом со мной — Соня Бурласова, словацкая фольклористка из Братиславы. Все три фотографии публикуются впервые.